

Сказ о тульском косом Левше и крымской Ай-Лимпиаде

Андрей Баранов

Необыкновенные приключения графа Г. на сломе веков

Андрей Баранов

**Сказ о тульском косом Левше
и крымской ай-Лимпиаде**

«Автор»

2013

Баранов А.

Сказ о тульском косом Левше и крымской ай-Лимпиаде /

А. Баранов — «Автор», 2013 — (Необыкновенные приключения графа Г. на сломе веков)

Государь император Александр Павлович после Венского конгресса путешествовал по Европе и увидев у англичан на подносе чудо - миниатюрную ай-Лимпиаду, сработанную знаменитым мастером Сивым Жопсом, повелел устроить в Крыму (Таврии) в 1816 году. Олимпийские игры на манер древнегреческих ристалищ. Граф Г. и его приятель Морозьявкин, а также служащая Тайной экспедиции Лиза Лесистратова при участии донского казака Платова и мастера Левши берутся построить олимпийские сооружения в кратчайший срок. Из-за знаменитого «года без лета» (после извержения индонезийского вулкана) вместо летних Игр приходится устраивать зимние, выкупать земли у агрессивных местных аборигенов, заботиться об экологии, спешно строить канализацию, нанимать самолучших иностранных тренеров, искать спортсменов-олимпийцев по окрестным селениям, решать проблемы с постоялыми дворами («ай-лимпийская деревня»), с гошпиталями для травмированных, с веселящим дурман-зельем — допингом и проч. Подбираются крикливые комментаторы с губерний, бегуны («Зайка») и силачи («Ванька Полудубный»), иностранцы жалуются что борцы-кавказцы — настоящие звери, ружья русские чистят кирпичом, а олимпийским духом тут и не пахнет, местная Баба-яга отмечает что всюду русский дух. Государь с графом Нессельроде проводят инспекции ай-лимпийской стройки. С огромными усилиями царский бюджет оказывается распилен и все стадионы и лыжни сданы в срок. Открытие ай-Лимпиады проходит с матрешками, тройками и балалайками, из самой Греции везется олимпийский огонь. Тут же изобретаются биатлон и марафон по снегу в снегоступах, но так как иностранные судьи оказываются неподкупны, а крепостные россияне ленивы от природы («Мы никому ничего не должны»), победа российских ай-лимпийцев вызывает большие сомнения. Левша берется подковать их всех, граф обещает всем вольную, казак Платов раздает тумаки и грозитя запороть — и наконец-то россияне побеждают и забирают максимум наград.

Торжественное награждение всех от лица императора и церемония закрытия ай-Лимпийских Игр в виде закрытия ворот в Таврию, калитки стадиона и сундука с наградами, завершает сказочные соревнования.

© Баранов А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава первая, предварительная	6
Глава вторая, разъясняющая	9
Глава третья, северно-пальмирская	18
Глава четвертая, походная	27
Глава пятая, строительная	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Баранов

Сказ о тульском косом Левше и крымской ай-Лимпиаде (из мемуаров графа Г.)

*Марш вперед! Ура... Россия! Лишь амбиция была б! Брала форты
не такие Бутенюп и Глазенап!
Козьма Прутков*

Глава первая, предварительная

Настала холодная и ужасно затяжная зима 1816 года от Рождества Христова. В России все зимы традиционно были холодными и снежными и традиция эта не менялась уже много веков. Природа замерла казалось бы навсегда, ничто не могло поколебать вечных груд снега и льда, застывших между градами и весями обширной империи, в славе которой как обычно не было равных. Народ с адским упорством ожидал лучших времен, даже не пытаясь их приблизить, так как конечно сколько лето не подгоняй – быстрее оно все равно не придет.

Низкие избенки утонули в сугробах, высокие дворцы глядели равнодушно как всегда. Поземка ныла и выла, кое-где штормило, в иных местах был штиль, но нигде, ни в тайге ни в степи, ни в море ни в поле не было жарко, чтоб никому не было обидно. И скульптурные львы Санкт-Петербурга, и живые бобики и жучки поселян – все одинаково страдали от непогоды, что вроде бы должно было примирить меж собой вечных антагонистов – бар и бедняков, но почему-то так и не примирило.

Оригинальные реформы царя Павла I, реформатора от природы, уже прошли как-то сами собой, в связи с безвременной кончиной их инициатора, враг рода человеческого Наполеон Буонапарте был связан цепями на каком-то далеком острове, то ли святой Эльбы то ли не менее святой Елены, свободолюбивые выступления господ декабристов еще даже и не думали начинаться. Борзописцы отложили свои перья, крестьянин положил на полку плуг и зубы, картежник заложил последние золотые часы с боем. Даже солнце, и то тащилось по небу как-то медленно и старалось вообще не показываться на глаза. Птицы и звери то ли заснули, то ли заболели, а может и вовсе передохли – словом на глаза охотникам не показывались. Люди, собственно, тоже как-то пытались не вылезать на природу лишний раз и лежали в своих хижинах и дворцах кто на печи, кто на полатах, а также на кушетках и кроватях. В российской природе и политике наступило временное затишье.

Граф Г. как водится проводил политическое межсезонье в своем родовом графском поместье. Погодка была та еще – то подует теплый ветер будто бы с далеких морей, растопит снежок, то ледяным своим дыханием обдаст Борей, как хозяин поместья называл сей ветерок несколько на средиземноморский манер.

Амбары, сараи, заснеженные луга с полями и лесами, многочисленные гостевые домики и охотничьи сторожки, все это хоть вроде бы и временно бездействовало, но требовало хозяйского глаза и внимания. Необходимо было даже и зимой следить как бы чего не упало, не пропало, не сломалось, не уперли, не взяли что плохо лежало, для чего конечно зоркие и бдительные сторожа бдели день и ночь. Таким образом в любой сезон для охраны нужно было задействовать не менее комендантской роты.

Граф скучая обходил в превосходных высоких ботфортах свое владение, любуясь то статуей железного орла, засыпанного белым ледяным пухом, то заснеженными вековыми елями, то давая жареную колбаску злому сторожевому псу Бонапарту, то жалуя горничную Алевтину за ласку и верность скромной подвескою с недорогим алмазом экономного класса. Он был конечно добрым и рачительным хозяином, и пользовался заслуженной и всеобщей любовью приятелей, дворни, собак, кошек и калик переходящих, коих прохаживало мимо имения немало.

Ах да, нужно же как всегда напомнить читателю кто же такой вообще был этот граф Г. Не писанный красавец, но вполне еще хорош собой, он мог бы, скажем без ложной скромности, понравиться даже взыскательной даме-читательнице. Недостатков у графа практически не было – ну разве что мелкие, зато достоинства были крупные и хорошо заметные, как и полагалось знатному человеку. Его осанка и походка сразу выдавала аристократа, даже когда он лениво гулял по владению в старом палантине из сибирского песка, а глаза с пронизывающим взором выдавали искателя приключений – ну а как могло быть иначе?

Этот самый граф и вправду был известен в свете своей необыкновенной любовью к приключениям, они буквально сами его находили даже когда он и не искал их на свою графскую сц, как грубо выражались французы. Головокружительная погоня за пропавшими вдруг предсказаниями знаменитого пророка Авеля, странная история о якобы чудесном спасении покойного государя Павла Петровича, которая чуть не привела к войне с Англией, феерические приключения во время компании двенадцатого года, когда граф основательно пропитался порохом и совершил множество славных подвигов – все это долго рассказывалось и перемалывалось петербургскими сплетниками и завистниками на все лады.

Правда в этих рассказах граф не всегда представлялся тем самым рыцарем без страха и упрека, коим почитал себя сам, отдельные негодяи даже изображали его робким и нерешительным, но такие клеветники конечно долго не заживались на свете. А вообще приятно было вспомнить и помечтать об авантюрах за камельком.

«И откуда они только пронюхали? Я и сам-то всего этого уже не помню... Да и было ли вправду? Так, фантомная память, фантазии», – вспоминал граф Г., улыбаясь и стряхивая снег с садовых ботфорт. «Но что же однако никто не призывает меня на новые подвиги? Все забыли наше именице Кренделябрино. Как будто ушли на кладбище хоронить высокое лицо да и не вернулись. На поминках перепились иль на свадьбе загуляли, то ли клад какой нашли то ли черти их забрали. Загадка! Письма шлю, ответа нет, на снегу пропал и след». Граф слегка сбился на с прозы на поэзию, будучи в душе стихотворцем, но потом поправился и думал далее: «Старый приятель Морозьякин не навестит, дядюшка из Петербурга милейший князь Куракин даже бриллианта уже не подарит со своо камзола, вертихвостка Лиза и та пропала... Манжеты пылятся, шпага тупится, я тупею!»

И действительно, не считая жирных соек летавших парами с изгороди на амбар и обратно, казалось что никто не вспоминал о графе звали которого кстати сказать Михайло. Правда, на горизонте нарисовался графский управляющий, который конечно очень был озабочен всякими хозяйственными делами и хлопотами. Судя по его озабоченности предстояло наверняка с головой погрузиться в дебет и кредит, дабы узнать почему концы еле сходятся с концами, и конечно увеличить финансирование выпотрошив с этой целью все карманы барина.

Управляющий распахнув потертую кожаную с золотом папочку для доклада их светлости и снявши шапку с пустой но хитрой головы сунулся было докладывать о том чего и сколько доставлено по оброку, перечисляя взхлеб битых гусей, кислую капусту и мороженую в силу утруски и утечки муку, однако же граф оборвал его на полуслове.

– Ну что ж, голубчик, ты мне все это завтра расскажешь. А лучше послезавтра. Или на недельке пожалуй, – граф Михайло не любил всяких хозяйственных распоряжений и в такие минуты даже жалел что у него нет милой и домовитой женушки, которая могла бы распоряжаться имением и хозяйствовать вместо него.

Печь пироги, руководя кухаркой, ухаживать за детьми, приказывая няне и гувернантке, временами устраивать балы и регулярно – журфиксы, ну и конечно любить его, то есть его сиятельство – как было бы замечательно взвалить все это на одну женщину! К сожалению знакомые дамы не разделяли эту точку зрения и потому не спешили составить его супружеское счастье. Хотя разумеется все эти принцессы слетались на огонь его обаяния как мотыльки к ночному свету, но опалив крылышки начинали думать что пожалуй Михайло ни разу не примерный семьянин. Даже мажордом, горничная и экономка вместе взятые не могли заменить супругу в полной мере, хотя граф и днем и ночью пробовал и так и так, меняя комбинации.

– Да как же, ваше сиятельство, ведь важнее этого и нету ничего-с! Я тут приготовил списочек... – продолжал меж тем управляющий, видя что барин как-то рассеян и внимание его не вполне сосредоточено на сиюминутном но необходимом.

– Засунь его голубчик себе в... папочку. А кто ж это там едет, стучит копытами? – залюбопытствовал Михайло приподнявшись и прикрывши ладонью зевок.

Издалека – из-за леса, из-за гор – донесся стук лошадиных подков. Пока дедушка Егор распахивал ворота, граф силился разглядеть кого же черт принес. Он конечно надеялся что это был казенный курьер с письмом от его благодетеля, князя Куракина, прозванного «бриллиантовым» за любовь к нехорошим с точки зрения обывателя излишествам, то есть золоту и алмазным украшениям во всех их проявлениях. Вместо того чтобы уважать чужое богатство и с благоговением завидовать ему обыватели сразу начинали злобно брюзжать что де от трудов-то праведных не наживешь палат каменных, не испытывая ни малейшего почтения к тем кто послуживши богу и государю составил так сказать капиталец.

Надежда графа Михайлу не обманула – это был вызов, но не на дуэль как обычно, а в высший свет. Далее все пошло по уже накатанной за многие годы колее – вскочив в седло граф поскакал навстречу приключениям.

Перед этим конечно пришлось дать множество ценных указаний управляющему и экономке, которые разумеется были ужасно расстроены отъездом барина опасаясь что теперь финансовая отчетность, никем не проверяемая, в полную негодность придет. Кланяясь в пояс, они провожали взглядом графского коня пока тот не скрылся за чащобой, затем как-то переглянулись и пошли обратно в дом, перемигиваясь на ходу, посмеиваясь, пихая друг дружку локтями и даже забыв запереть ворота.

Кухмистерская, кладовая, словом все склады крепости остались гарнизону пока главным командующий уехал в дальний поход, так что прислуга сначала даже не поверила своему счастью но потом решила не теряться. Пройдя маршем в самое сердце дома, то есть в барскую гостиную, присутствующие прежде всего поздравили себя с удачной оказией. Далее последовали неумеренные возлияния, кухаркины песни и то что низшие чины в своем простодушии считали за любовь, словом полный разврат в кладовой и на кухне. Но всего этого граф наблюдать уже не мог, так как сердце его рвалось служить любимой Отчизне.

Глава вторая, разъясняющая

Князь Куракин, он же Бриллиантовый князь, он же Его Светлость как раз отдыхал в своем роскошном имении «Надеждино». Времени для отдыха у него теперь было несколько более обычного, ибо от политики князь решительно отошел, разочаровавшись уговорить Наполеона перед кампанией двенадцатого года себя пожалеть и с Россией не воевать. Можно было спокойно перебирать золотые табакерки, бриллиантовые пряжки, расшитые камзолы и манжеты, а также рассматривать старые и вытаскивать из подвалов все новые произведения гениальных европейских живописцев, словом наслаждаться покоем. Душой бывший вице-канцлер всегда стремился в Европы, вот и сейчас он как раз размышлял как бы ему дать крестьянам вольную, а потом уж уехать в Пруссию и там наконец-то спокойно умереть.

– Вызывали, Ваше сиятельство? – обратился граф Г. к князю, памятуя впрочем что тот обращения сообразно титулу не любил, предпочитая имя с отчеством. Конечно чтобы обратиться к князю нужно было прежде добраться до его кабинета, каковой располагался в княжеском дворце, в селении Надеждино где-то аж в Саратовской губернии. Огромный дворец, все так же обнесенный каменной оградой как и в предыдущих сериях, располагался среди снежной равнины лугов рядом с замерзшей речкой Сердобой, окруженный аллеями и запутанными дорожками, на которых граф обнаружил следы невиданных зверей.

Кинув поводья прислуге и сопровождаемый почтительным дворецким Михайло проходил через анфиладу комнат стараясь не глядеть по сторонам, но глаза как нарочно шарили по стенам, потолкам и паркетам, статуям и вазонам, и даже руки тянулись погладить и пощупать чуть ли не все видимое, несмотря на давнюю привычку к виду ценностей. Роскошь каменного дворца с его прекрасными картинами, фарфорами и мебелью всегда подавляла графа, считавшего что он по своим огромным заслугам перед Отчиной достоин по крайности не меньшего.

– А, голубчик, граф Михайло! Прилетел-таки на зов старика? Ну садись, гостем будешь! – манера обращаться Александра Борисовича не изменилась за долгие годы.

– Не случилась ли какая новая беда с нашим любезным Отечеством? Не сбежал ли с заморского острова Наполеон дабы снова стать императором? Иль еще что, похлеще? – граф по привычке расположил свою шляпу с плюмажем на коленях и откинулся на спинку узорного кресла испанской работы, мысленно стараясь сосчитать число мелких и крупных алмазов на шитом золотом княжеском домашнем камзоле.

– Да куда ж Бонапарте несчастный теперь с острова святой Елены денется? Так и помрет на ней. А ведь говорил я ему, узурпатору проклятому – давай мол замиримся, не доводи нас до греха. Нет, пришлось нам воевать подобно испанцам – малой кровью, хоть и на своей территории. Но это дело прошлое... – князь Куракин на секунду замолчал, будто бы по-стариковски собираясь с мыслями.

– А что же нынешнее? – граф Михайло был любопытен как всегда.

Александр Борисович снова помолчал, потянув паузу еще несколько времени. Затем он начал свой вступительный к новым авантюрам рассказ.

– Когда император Александр Павлович окончил венский совет, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Ну ты в европах бывал, видывал...

– Плавали – знаем! – отвечивал граф бодро. – А далее?

– Вот далее он все страны объездил и через свою императорскую ласковость везде имел, знаешь ли, самые междоусобные разговоры со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели...

– Вот ведь сволочи! – не сдержал граф Г. негодования. – А что же наши-то, приближенные, куда ж они глядели?

– Да при нем был по счастью наш донской казак, Платов – он этого склонения не любил, по хозяйству скучал. Чуть заметит что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется а все государевы провожатые молчат – тут же скажет что мол так и так, и у нас дома свое не хуже есть.

– Эта легенда уже становится забавной! – граф Михайло уселся на кресле поусадистей. – Продолжайте, силъ ву пле.

– Ну англичане это конечно знали и к приезду государеву выдумали разные хитрости, чтобы его чужестранностью пленить и от русских отвлечь, и во многих случаях они этого достигали, особенно в больших собраниях. Платов-то по французски, сам понимаешь – ни бе ни ме.

– Вуи, же компран, – еще раз похвастал граф знанием французского наречия.

– Ну это потому что ты холостой, хоть и до седых волос дожил. А Платов этим мало интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения. А тут англичане стали звать государя во всякие свои цейгаузы, оружейные и мыльно-пильные заводы, чтобы показать свое над нами во всех вещах преимущество и тем славиться...

– Ой, это просто западня какая-то на Западе, настоящая засада, – граф понимал все коварство расставленной императору ловушки. – Там только обойти все территории – сапоги стопчешь.

– Да уж, государь решил что в оружейной кунсткамере такие природы совершенства, что как посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся. Вот ведь каково!

Граф Михайло имел по сему поводу отличное мнение но спорить с государем не решился даже заочно.

– Значится, на другой день поехали государь с Платовым в кунсткамеры. Больше никого из русских с собою не взяли, потому что карету им подали двухсестную. Так мне сам Платов пересказывал, язык у него сам понимаешь не дворянский.

– Понимаю, ваше сиятельство...

– Ну вот, приезжают в пребольшое здание – подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные огромные бюстры, и посредине под Балдахином стоит Аболон полведерский.

– Аполлон Бельведерский наверное, – отметил эрудированностью граф. – Эти казаки всегда слушают брюхом а не ухом.

– Вероятно он. Ну конечно государь оглядывается на Платова: очень ли он удивлен и на что смотрит; а тот идет глаза опустивши, как будто ничего не видит, – только из усов кольца вьет. Англичане сразу стали показывать разные удивления и пояснять, что к чему у них приновлено для военных обстоятельств: буреметры морские, мерблюзьи мантионы пеших полков, а для конницы смолевые непромокабли. В общем язык сломаешь. Государь на все это радуется, все кажется ему очень хорошо, а Платов держит свою ажидацию, что для него все ничего не значит.

– Да, мы и в дождь не взирая! В атаку шли в штыки, грудью поднимались все как один, – поддержал граф на этот раз казачьего атамана.

– Государь конечно и говорит – дескать как это возможно, отчего в тебе такое бесчувствие? Неужто тебе здесь ничто не удивительно? А Платов отвечает: – Мне здесь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы без всего этого воевали и дванадцать язык прогнали.

– Солдатская косточка, прямой как шашка, – сочувственно отозвался граф Г. на эту реплику. – Разве так можно с самим государем беседы разговаривать?

– И не говори, дружок, казаки народ простой – кизляркой нальются, в бурку усы спрячут и на боковую – думают что утро вечера мудренее. Но я продолжаю, с твоего милостивого

позволения. Англичане сейчас же подвели государя к Аполлону и берут у того из одной руки Мортимерово ружье, а из другой пистолю.

– Да у нас таких ружей в Царском Селе как грязи, навалом, – пояснил граф по ходу рассказа. – Чему ж тут удивляться?

– Так государь на ружье и посмотрел спокойно, а вот про пистолю ему говорят что это дескать пистоля неизвестного, неподражаемого мастерства – ее мол ихний адмирал у разбойничьего атамана из-за пояса выдернул. Платов на эти слова в ту же минуту опустил правую руку в свои большие шаровары и тащит оттуда ружейную отвертку. Англичане говорят: «Это не отворяется», а он, внимания не обращая, ну замок ковырять. Повернул раз, повернул два – замок и вынул. Платов показывает государю собачку, а там на самом сугибе сделана русская надпись: «Иван Москвин во граде Туле».

Граф Г. сочувственно покивал головой, не понимая к чему ведется все это повествование, а Александр Борисович притомившись от долгого рассказа чуть было не задремал, так что пришлось даже громко хлопнуть в ладоши дабы его сиятельство от сна разбудить.

– О чем бишь я? А, ну да... Англичане признались что маху дали, а государь Платову грустно говорит, что дескать зачем их очень сконфузил, и ему их теперь очень жалко. Да впрочем Платов и не взял в толк через что это государь огорчился.

– Не понять грубому казачеству тонкий ход мыслей нашего государя! Даже и мы, дворяне, не всегда за ним успеваем. Но впрочем разве удалось им нас по-настоящему удивить?

– Погоди радоваться. Англичане в это самое время не спали, потому что и им завертело. Пока государь на бале веселился, они ему такое новое удивление подстроили, что у Платова всю фантазию отняли. На другой день, как Платов к государю с добрым утром явился, тот ему и велит заложить немедля двухсестную карету, мол поедем в новые кунсткамеры смотреть. Платов даже осмелился доложить, что не довольно ли, мол, чужеземные продукты смотреть и не лучше ли к себе в Россию собираться, но государь говорит что еще желает другие новости видеть: ему хвалили, как у англичан первый сорт сахар делают.

– Вот еще новости, разве у нас и сахара не делают? Да одни тульские пряники всех английских сладостей стоят, – патриотично воскликнул граф Г., не евший впрочем этих самых пряников уже лет сто.

– Ну вот и Платов у англичан хитро потребовал сахар молво, а они конечно должны были сознаться, что у них все сахара есть, а «молва» Бобринского завода нет. Государь его за рукав дернул и тихо сказал что дескать пожалуйста не порть мне политики, – на этих словах Александр Борисович стал вдруг весьма внимателен и граф Г. понял что сейчас последует самая кульминация.

– Дверь плотно затворена? Проверь-ка, – поинтересовался князь у Михайлы. Граф Михайло осмотрел залу, но нигде не виднелось лишних ушей и все дверцы были прикрыты как следует, о чем он и доложил бывшему вице-канцлеру и посланнику. Куракин удовлетворенно вздохнул и щелкнувши золотой табакеркой продолжил:

– Тогда англичане позвали государя в самую последнюю кунсткамеру, где у них со всего света собраны минеральные камни, нимфозории, а также всякие статуэтки начиная с самого огромнейшего Аболон Бельведерского и до крошечных японских деревянных фигурок нецке, которые толком и глазам видеть невозможно. Осмотрели, как Платов тонко выразился, керамиды и всякие чучелы и только пришли в самую последнюю, комнату, а тут стоят их рабочие в тужурных жилетках и в фартуках и держат поднос, на котором лежит вроде кусок сыра, только мраморный. А на нем как на острове в окияне высечены леса, долины, горные вершины, храмы, статуи и прочие диковины, только все крошечное как песчинки.

Государь и удивился – что это за диковинный поднос, и к чему он нужен.

– Что это такое значит? – спрашивает; а аглицкие мастера отвечают:

– Это вашему величеству наше покорное поднесение.

– Что же это?

– А вот, – говорят, – это чудо-изобретение, на греческий манер, называется ай-Лимпиада. Мы вам сейчас устроим ее презентацию, и это есть наша последняя усовершенствованная модель. Перед вами, извольте видеть, точнейшая копия древнего греческого города Олимпия, что в долине реки Алфей, в Ионическое море впадающей. И дескать в этом городе давным-давно атлеты соревновались, боролись, бегали, силу да ловкость показывали. Делали они это в специальных местах, стадионами называемыми, и на это время для всех воюющих армий перемирие наступало – ну вот вроде как сейчас, после Венского совета. Даже непримиримые враги оружие свое складывали и в эту самую Олимпию ехали, там зубами скрипели, богатырскую удаль показывали, но друг дружку не убивали. Вон извольте видеть сориночки?

Государь посмотрел и видит: точно, лежат на этом куске сыра среди гор и лесов на особых полях для состязаний самые крошечные соринки.

Работники говорят:

– Извольте пальчик послонить и ее на ладошку взять. Это не соринка, а атлет, спортсменом называемый. Он не живой, а из чистой из аглицкой стали в изображении человека нами выкован, а в середине острова завод и пружина. Извольте еще монетку кинуть: под тяжестью денег пружина заведется, и они сейчас начнут бегать и борьбой заниматься.

Государь тут же накидал серебряных пяточков в особую щелочку сбоку ай-Лимпиады и слышит, как все атлеты встрепенулись и забегали, запрыгали, стали друг дружку мутузить и на конях в колесницах скакать, а зрители им вроде бы даже аплодируют.

– Отчего же, – государь говорит, – я сего зрелища ристалищ спортивных не вижу?

– Потому, – отвечают, – что это надо в мелкоскоп.

Подали мелкоскоп, и государь увидел, что на сем волшебном подносе действительно все стальные спортсмены соревнуются и сила богатырская прямо ключом бьет.

Государь конечно залюбопытствовал кто же такое чудо придумал. Англичане и говорят, что дескать придумал все их наипервейший в мире мастер, из мятежной Северной Америки за большие деньги выписанный – Сивый Жопс, и соревноваться с ним мол никто не способен. Тут же и мастера показали – стоит человек с лица бледный, болезненный, в черном тужурном жилете, но видно что горд и имеет себе понятия.

Государь взглянул на сей волшебный город ай-Лимпиаду и наглядеться не может. Взахался ужасно.

– Ах, ах, ах, – говорит, – как это так... как это даже можно так тонко сделать! – И к Платову по-русски оборачивается и говорит: – Вот если бы у меня был хотя один такой мастер в России, так я бы этим весьма счастливый был и гордился, а того мастера сейчас же благородным бы сделал.

Государь Александр Павлович сразу же велел англичанам миллион дать, какими сами захотят деньгами, – хотят серебряными пяточками, хотят мелкими ассигнациями. А волшебный город атлетов ай-Лимпиаду велел положить в свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана перламутром и рыбьей костью. Аглицких же мастеров и самого Сивого Жопса государь с честью отпустил и сказал им: «Вы есть первые мастера на всем свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут».

– Неужто так и сказал? – граф Г. несколько обиделся за наших российских мастеров, хотя правду сказать и нитки отечественного шитья на нем не было с рождения.

– В точности. Те остались этим очень довольны, а Платов ничего против слов государя произнести не мог. Только взял мелкоскоп да, ничего не говоря, себе в карман спустил, потому что «он сюда же, – говорит, – принадлежит, а денег вы и без того у нас много взяли».

– И верно, что добру-то пропадать? Может он плохо лежал – гвоздями-то не прибили. А дальше что же было?

– Ну а на следующий день конечно англичане повезли показывать эту самую ай-Лимпиаду в натуральную так сказать величину, в полный рост. А то государь расстроился, что без мелкоскопа и не увидеть ничего. Ту ему прямо все рассказали и показали – и представления драматурга ихнего Томаса Кида про историю олимпизма на сцене театральной и про то как две сотни лет назад королевский прокурор Довер устроил свои игрища ай-Лимпийские и люди независимо от сословия могли в них участие принимать, и даже дам соревноваться брали. Дескать умеешь там бороться или на коне лихо скачешь – то и пожалуй вперед. Сам король Яков I им покровительствовал. Целый век они так соревновались а вдобавок еще устраивали песнопения, танцульки всевозможные и в шахматешки резались.

– Англичане, что с них возьмешь-то? Без куплетов да шахмат никуда, – поддакнул граф Г.

– Словом устроили они для государя с Платовым такие игрища на каком-то Уимблдоне местном, торжественно открыли Олимпиаду, всю историю Англии там на подмостках сыграли, прямо от Адама с Евой до сего дня, с машинами паровыми да луддитами, про коих у нас и не знал никто. И посмотрев уже на живых атлетов – бегунов, борцов, конников, прочих олимп-оников так государь всем этим проникся, что решил устроить такие же ристалища и у нас в России – в Таврической губернии.

– В Крыму? Таврида конечно место богатое, природой не обделенное. Да и красоты там неопишуемые – плавали, знаем. Но...

– Вот и донской казак Платов тоже знаешь ли засомневался. Дело-то для нас внове и малознакомо. Вскоре они уехали – у государя от всех этих олимпийских дел сделалась меланхолия. Дорогой у них с Платовым очень мало приятного разговора было, потому они совсем разных мыслей сделались: государь так соображал, что англичанам нет равных в спортивных искусствах и баталиях, а Платов доводил, что и наши на что взглянут – все могут сделать, но только им полезного ученья нет. А если подучить немножко, то устроят ай-Лимпиаду не хуже иностранной, только дело это вовсе бесполезное. И представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на все другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нем совсем другой смысл.

– Государь этого не хотел долго слушать, и все говорил про знаменитых философов Шиллера да Руссо что к идеям олимпизма были зело внимательны. Платов, видя это, не стал усиливаться. Так они и ехали молча, только Платов на каждой станции выйдет и с досады квасной стакан водки выпьет, соленым бараночком закусит, закурит свою корешковую трубку, в которую сразу целый фунт Жукова табаку входило, а потом сядет и сидит рядом с царем в карете молча. Государь в одну сторону глядит, а Платов в другое окно чубук высунет и дымит на ветер. Так они и доехали до Петербурга, и тут государь меня вызвал и повелел помогать всемерно Платову в его олимпийских усилиях, ну а я уж за тобой курьера послал.

– И правильно! Справедливо! Да я... Да мы с Морозьявкиным вам любую ай-Лимпиаду смастерим, вы только дайте срок! – граф Г., заскучав у себя в деревне, готов был отрядиться на любые подвиги, даже на расчистку авгиевых конюшен.

– Похвальное рвение, дружок. Словом скажи-ка ты в стольный город Петербург, ищи где хочешь этого своего приятеля Морозьявкина и отправляйтесь вы затем прямо в Тавриду – устроить к лету эту самую ай-Лимпиаду. Только не злоупотребляйте излишне местным вином и казенным доверием. Ну и старика Платова не забудьте конечно – куда ж без него. Не надо долгих прощаний, целования ручки, с богом, вперед марш!

Граф Г. не забыв откланяться вышел вон, и пройдя сквозь анфиладу комнат и коридоров, чем-то напоминавших ему императорский дворец работы великого зодчего Растрелли, уже вскоре сел на своего любимого конька и поехал к месту сбора всей честной компании, то есть экспедиции. Можно было пожалеть что и в просвещенном XIX веке все путешествия при-

ходило начинать из столицы, однако это тоже была неизменная традиция и чувствовалось что она останется в веках.

Хотя они направлялись и не к северному полюсу, их миссия казалась немногим легче путешествия адмирала Чичагова за Шпицберген, куда его послали еще при матушке Екатерине. Основываясь на оригинальной идее академика Михайлы Ломоносова тогда отрядили особо тайную экспедицию, которая должна была проникнуть в Ост-Индию через якобы свободный летом ото льдов Берингов пролив. Так смелая научная мысль, на первый взгляд казавшаяся дерзкой бессмыслицей, уже в те далекие времена приводила к огромному расходу людских и материальных ресурсов, что впрочем не гарантировало достижения положительного результата.

Не сказавшись никому, даже господам сенаторам, капитан-командор Василий Чичагов со товарищи поплыли якобы для возобновления китобойных промыслов, но напоролись на непроходимые льды и вынуждены были воротиться несолоно хлебавши. Хитрая легенда пропала втуне, открытого ото льдов места протяженностью в тысячу верст так и не нашли, генерал-адмиралы в коллегии весьма огорчились, но ненадолго.

Через пару лет раздосадованное Адмиралтейство устроило вторую попытку, но и тут льды встали стеной, еще раз напоминая всем что Россия вообще-то глубоко северная страна, которой даже и законы физики не писаны, или не читаны, или и вовсе не поняты. Таким образом даже северное сияние вопреки ученой теории не являлось признаком чистых ото льда морских вод, но для проверки идеи Михайлы Васильевича Василию Яковлевичу пришлось снова проплыть немало морских миль. Впрочем «за прилагаемое старание к достижению до поведенного предмета» всех наградили и похвалили, так что жаловаться не приходилось.

Однако же несмотря на сии не слишком веселые настроения, за дело следовало как-то браться. Граф привык делать это недрогнувшей рукой, не колеблясь ни секунды. Дорога стелилась под копыта, сердце стучало и так и рвалось вперед, ни ямы не буераки не пугали, словом призыв «Let's go on an adventure» казался как нельзя более уместным. Конечно в приключениях можно было и башку потерять, но однако же и клад найти, так что тут была игра прямо как в русскую рулетку.

Не останавливая ни у трактиров, ни у гостиниц, питаясь казалось одним только духом авантюризма и влекомый тягой к приключениям, Михайло мчал вперед прямо как на скачках на императорский приз. Дорога так и стелилась под конские копыта, добрый конь раздувал бока, потертое седло скрипело, шпага моталась как положено, плюмаж на шляпе развевался на ветру. Тяжелое закатное и хилое рассветное солнце смотрели ему то в лицо то в спину, и граф улыбался им в ответ. Северная Пальмира звала, и он отвечал на ее зов ударами шпор по конским бокам.

По обеим сторонам дороги замелькали захиревшие деревеньки и жуткие погосты, российская действительность так и перла прямо в глаза. Какие-то мертвые с косами вдоль дорог стояли, хотя о красных дьяволятах тут отродясь никто не слыхал. Замерзшие вороны нагло каркали, намекая что приключения ничем хорошим не кончатся, отдельные попадавшие на пути крестьяне смотрели вслед угрюмо, а какая-то мерзкая собачонка и вовсе начала подвывать как по покойнику, но разумеется граф не поддавался на эти нелепые суеверия.

Временами чудились шайки разбойников, для обороны от которых приходилось всюду таскать с собой здоровенную шпагу и тяжеленные пистолы с воронеными стволами, иногда попадались и странствующие монахи, вышеупомянутые калики перехожие и прочий сброд, только отвлекающий внимание от высоких мыслей. Но все же граф Михайло уже успел загореться новой идеей, и чувствовал что несмотря ни на какие жертвы олимпийские игры должны быть проведены во-время и не хуже чем в этой самой Древней Греции. Там разумеется было полно всяких богов и героев – но хотелось создать своих собственных Гераклов, а не только быстрых одним разумом Платонов и Невтонов. И количество лавровых венков на их головах

должно было перевешивать величину оных на иностранных лысинах, для чего разумеется надо было всех перегнать, перескакать и по возможности перестрелять, ну а кто не будет стараться – перепороть и даже перевешать. Граф удивился своей кровожадности, но объяснил появление таковой исключительно спортивным азартом.

Неожиданно под стук копыт пришли какие-то воспоминания от далекого ныне учителя истории, который все пытался объяснить графу что нынешняя жизнь не с неба упала, а сложилась в результате исторических бурь и всего хода Ея величества Истории. Собственно учитель много чего объяснял и в более позднем возрасте граф весьма жалел что у него тогда в одно ухо все влетало а из другого вылетало, как говорили в народе.

Говорилось и про олимпиоников, которые за три победы в состязаниях даже могли поставить в Олимпии свою собственную статую. Все об этом прямо так и мечтали, и Михайле неожиданно самому захотелось поучаствовать в таких состязаниях, чтоб и его после победы встречали как героя и повторяли что он столь же прекрасен на вид сколь и искусен в борьбе, как выражались тамошние поэты. Древние греки вообще были очень поэтичные и складывали занятные легенды о всяких подвигах, благодаря чему прославились на весь мир и не дали забыть о себе.

Знаменитый скульптор вырезал бы графскую статую в образе прекрасного бога Аполлона или мужественного героя Геракла, и ее немедля бы определили в императорский музей, разумеется тут же бы отовсюду набегали тучи приятелей и забросали бы его лавровыми венками. Прекрасные во всех отношениях дамы носили его на руках и прямо-таки рвали на части, что он дозволил бы с превеликим удовольствием, ничуть не сопротивляясь и отдаваясь решительно без остатка. Михайло разбежался мыслями прямо как в семнадцать лет, которые давно уже унеслись в неведомые дали.

Граф в своем воображении уж видел как государь собственноручно награждает всех непричастных и наказывает всех невиновных, как и его собственная голова увенчивается лаврами, словом мысли его зашли бог весть куда, как вдруг его добрый конь наткнулся на какое-то препятствие. Прямое движение вперед сменилось стремительным полетом на манер стрелы или же камня из пращи, конь споткнулся и в мгновение ока Михайло оказался выброшенным из седла в воздух, а из глаз его посыпались искры. Падение на землю не замедлило последовать и стало весьма болезненным.

Оказалось что тут была прямо настоящая засада. В те далекие времена засады на большой дороге были отнюдь не редкостью, лихие дела и всевозможное воровство процветали. Сообщество бродяг, чьим промыслом было попрошайничество и воровство, уже тогда расплодилось весьма широко, а впоследствии дало всходы в виде так называемых «воров в законе», то есть темные корни преступности уходили глубоко в проклятое прошлое и являлись наследием кровавого режима, на который можно было свалиться решительно все недостатки.

Конечно такой свободы для разбойничьих шаяк как во времена восстания Стеньки Разина или Пугачева, когда те грабили целые города и разоряли церкви, сейчас было уже не найти, мятежники, что норовили сбросить с колокольни какого-нибудь архиепископа и перевешать всех дворян повывелись. Некому было поднять на бунт казачье войско, брать крепости, казнить и вешать аристократов а иногда и своих же сподвижников за пьянство и недисциплинированность, никто не рвался осадить Оренбург и объявить себя новым царем. Но и дремать в пути было никак нельзя – это могло плохо кончиться, случалось что задремавший просыпался уже на том, а не на этом свете.

Вот и сейчас какой-то шутник коварно перегородил дорогу низко подвешенным бревном, замаскированным еловыми ветками, да так удачно что увидав небо в алмазах граф Г. очнулся лишь немного спустя. Несколько времени Михайло не желал открыть свои глаза, не из робости конечно а просто от отвращения к тем негодям которых ему возможно предстояло узреть.

Когда же он поднял веки, его как-то сразу обрадовало то что он увидел над собой вместо преужаснейшей разбойничьей рожи доброе лицо старины Морозьявкина.

Тут разумеется следовать напомнить нашему забывчивому, страдающему хроническим склерозом и ограниченностью карты памяти читателю кто же такой Морозьявкин. Времена спешат столь быстро что и значительные фигуры стираются из нашей памяти, заменяясь разумеется на еще более значительные, а маленький человек как-то пропадает и тускнеет. Сколько не описывай его, хоть всю шинель размалюй яркой краской, а все равно скажут – нет, не хорош, не важен.

Но правда встречаются и другие случаи – как не гонишь героя со страниц, хоть и поганой метлой, ан гляди – он снова тут, как мышь в торте. Человек не высокого, но и не низкого роста, то носивший усы и бороду то сбривавший их чтобы сбить сыскарей со следа, герой скорее характерный нежели чем в амплу красавца-мужчины конечно не может претендовать на любовь читательниц высокого общественного статуса, однако еще в состоянии привлечь внимание женщин из более простых сословий, как мужчина видный и на ласку заводной.

Этот вечный студент и бывший соученик графа, неунывающий пройдоха, сам себя называвший разночинцем и Вольдемаром вместо обычного Владимира, уже давно выскакивал то там то тут, причем всегда когда не надо. В ходе их многолетних совместных приключений граф Г. уже и не упомянул когда было чтоб тот появлялся во-время, и по приезде в Петербург собирався его искать во всяких зланных заведениях.

Обычно для нахождения приятеля требовалось обойти довольно много всевозможных кабаков и трактиров, в Московской, Литейной, Адмиралтейских частях и прочая и прочая и прочая. Там везде его знали, помнили и даже любили но в долг уже нигде не наливали, полагая что дружба дружбой а денежки врозь. Это грустное обстоятельство заставляло его еще сильнее сбиваться с пути истинного в поисках пропитания и пропивания, однако же затрудняло то что в столице он стал уже слишком хорошо известен, и решительно не с лучшей стороны.

Унижаться же до известных забав, при которых собутыльнику подливали в вино сонного зелья а потом обчистив карманы сбрасывали еще теплое тело поплавать в Фонтанку он не желал, хотя и получал подобные заманчивые предложения от местных криминальных элементов. Впрочем падая все ниже Вольдемар уже стал обращать на себя внимание полиции, которая прежде прощала ему мелкие шалости вроде разбивания сердец некоторых барышень из порядочных семей, аферы, кражи со взломом и прочие проделки в старинном духе.

Морозьявкин вынужден был уйти в партизаны и перейти на нелегальное положение, организовав себе в местных лесах что-то вроде берлоги посреде болот и питаясь только подножным кормом, ягелем, мелкой дичью и прохожими. Искали его давно, и пожарные, и полиция, и даже репортеры полицейских ведомостей за неимением фотографов, да только почему-то не могли найти. Теперь же стариный друг обнаружился почти сразу, что наш граф счел хорошим предзнаменованием.

– А ты откуда здесь взялся, старый хрен? – полюбопытствовал граф Михайло на приятельских правах, очнувшись немного от удара. В целом он чувствовал себя неплохо, вот только голова как-то ужасно болела.

– Я-то? Да я знаешь ли тут силки расставляю на рябчиков. Кушать-то хочется. Петли там всякие, капканы... Вот ты со своей лошадкой и попался! – отвечал Морозьявкин радуясь что граф, которого он признал не сразу, наконец-то пришел в себя.

Часто ему случалось переусердствовать, и каждый раз он горько сожалел об этом, крестился, молился сам и заказывал заупокойные службы в церкви, словом всячески пытался очиститься от грехов, а потом разумеется снова грешил, дабы иметь возможность вновь покаяться. Понять это иноземцу верно было бы затруднительно, но конечно свои все хорошо понимали, а прегрешения снимались либо с помощью святой воды, либо обычной самодельной водки.

Таким образом совершался вечный круговорот грехов и покаяний в природе, дававший возможность многочисленным попам не умереть с голоду.

Михайло сообразил что Морозязкин верно решил податься в разбойники и начал грабить на большой дороге, чего ранее за ним не замечалось. Граф вспомнил, преодолевая головную боль, что приятель скорее был склонен к отъему денег обывателей более благородными способами, не брезгуя ничем – ни медициной, ни цирюльным ремеслом, ни даже и гаданием. Но дубины или там ножа ранее в руки он вовсе не брал, проворовываясь, точь-в-точь по классике, благородным образом. Капитан-исправник до него еще не докопался по-настоящему, и граф уже и не знал что и подумать, с кем сравнить старого знакомого и к какому поучительному образу из мировой литературы, сокровищницы знаний, тут обратиться.

Бомарше уже успел к тому времени написать своего знаменитого «Фигаро», а король Людовик уже пытался безуспешно его запретить, но вскоре большинством голосов запретили его самого, посредством гильотинирования. Путешествовавший по Европе инкогнито будущий император Павел Петрович с комедией ознакомился буквально из первых рук но к сожалению ее вовсе не понял, за что также был впоследствии казнен взбунтовавшимися «слугами народа». Отсутствие чувства юмора у королей – возможно в силу неимения хороших шутов – было очень опасно для их здоровья, даже хуже курения трубки. Понявши это, в дальнейшем правители разрешили представление французской комедии, действие которой было политкорректно перенесено в Испанию, повсеместно.

Постановка шедевра юморостроения шла и в Большом Каменном театре в Санкт-Петербурге, и граф, бывший к тому же заядлым театралом, полагал что героя вполне можно было писать с Морозязкина, и более того он и сам мог бы там сыграть вместо актера Саши Рамазанова, хотя надо признать – и тот лицедействовал блестяще. Сам Рамазанов, по мнению «Сына Отечества» имея отличные таланты для комедии и оперы и подавая великую надежду, конечно долго на свете не зажился, но был запечатлен знаменитым художником Брюлловым на веки вечные.

– Да я и сейчас нож не взял бы, я так, охочусь по распутице... ну может если случайно какой рябчик с кошельком попадется так я подберу – что добру пропадать! Но хочу тут мораль читать но знаешь ли что, сейчас времена лихие, каждый за себя сражается ну и выживает как может. В белых перчатках с голодухи помрешь. Мы-то не графья, нас царская колыбель не качала!

– Окстись! – сказал ему граф с приличным негодованием. – Как ты можешь губить свою бессмертную душу столь низким и подлым занятием? Ты – наполовину благородный человек, знающий основы всякой образованности – французский язык и философию, наконец имеющий высокое звание моего приятеля?

– Да званием-то сыт не будешь... Царские деньги да награды я кои пропил, кои ростовщику заклал. Ни в одном трактире в долг уже не наливали, вообрази себе такую оказию. Что ж оставалось делать? Только и охотиться на подступах к стольному городу. Рябчик там, кабанчик...

– Человечек... – подытожил граф Г. – Ну вот что, друг любезный – пока тебя не вздернули изволь вернуться на государеву службу. Айда со мной!

Михайло с трудом и с посильной помощью Вольдемара поднялся с грязного снега и отряхнувши камзол и медвежью шубу и потирая ушибленный затылок взгромоздился на по счастью уцелевшего коня. Уже не обращая внимания на солнце, которое успело закатиться, на ворон, ругавшихся пуще прежнего, на медведя, который вылез из берлоги как видно к ужину и сейчас смотрел чем закончится сценка и не останется ли ему на снегу пожива, он натянул поводья, проверив управляемость животного после аварии. Оставшись доволен результатом и посадивши сзади себя приятеля граф Г. дал шпоры коню и поскакал с несколько замедлившейся скоростью все в том же направлении – в северную Пальмиру.

Глава третья, северно-пальмирская

Граф Г. уже давно заметил что Пальмира эта, несмотря на то что была столицей славнейшей и обширнейшей империи, в зимний период времен года становилась какой-то особенно унылой и неприветливой. Здания соборов, набережная с ее превосходной летом перспективой, мелкие речушки вроде Фонтанки и Мойки, самый Финский залив, прозванный недавно острьяками Маркизовой лужей – все было сковано льдом и снегом. В смысле перспективы тут все было вообще очень северное и мало отличалось от какого-нибудь Тобольска, в котором Михайле правда до сих пор не довелось побывать и он надеялся что и не придется.

Даже сам Невский проспект, воспетый впоследствии классиками на все лады и вызывавший всеобщий восторг, эта важнейшая коммуникация Петербурга и вообще и ихнее все несмотря на чисто подметенные тротуары и чинно гуляющую публику не привлек Михайлу сделать обычный променад по магазинам. Ветер бодро развеивал поземку и гнал снежок по ногам прохожих, забираясь под воротник, за шиворот и бог знает в какие места. Медвежья шуба из зверя, которому граф на охоте собственноручно разодрал пасть, несколько поизмялась в дороге и как нарочно не желала уже греть как следует, так исподтишка мстя охотнику за безвременную гибель и браконьерство.

Графу Михайле немедля захотелось отбыть в теплые края, даже не останавливаясь тут ни на день, ни на ночь, несмотря на ожидаемые блеск и великолепие. В местных не замерзающих вечно лужах у него немедля промокли ботфорты, ранее не промокавшие даже в Тихом или же Великом океане. К тому же за приятелем, как выяснилось, требовался глаз да глаз, так как он сильно одичал на болотах и с трудом привыкал к цивилизации.

Михайло решительно пресек поползновения Морозьявкина завести новые знакомства с молодыми ротозеями, очевидно впервые попавшими в столичный город, указавши ему что идя на большое ай-лимпийское дело не следует размениваться по мелочам. Вольдемар очевидно так не считал но решил временно покориться обстоятельствам. Возникшие разногласия привели к препирательствам и их удалось преодолеть только в трактире, в котором по счастью нашлось и питье и пропитание, и водка и поросенок, и пиво и кислая капуста, словом и наелись и нализались. Между тем на город уже набежал вечер – следовало озаботиться вопросом о ночлеге для себя и приятеля, а там уж размышлять о плане дальнейших действий.

Сим событиям предшествовала следующая прелюдия: удивительная ай-Лимпиада с атлетами из аглицкой вороненой стали размером с блоху сперва оставалась у Александра Павловича в шкапулке под рыбьей костью. По приезде из Англии он сначала-то хотел от меланхолии устроить себе духовную исповедь у попа Федота в Таганроге, но передумал, потому что один раз стал пересматривать шкапулку и достал из нее волшебный град Олимпию, которая давно уже не была деньгами заведена и потому не действовала, а лежала мирно, как коченелая.

Вспомнивши свое увлечение, он тут же послал за Платовым, которого ранее от себя прогнал, потому что тот к идеям олимпизма был бесчувственен, к духовной беседе невосдержен и к тому же так очень много курил, что у государя от его дыму в голове копоть стояла. Платов тогда остался с обидой и лег дома на досадную укушетку, да так все и лежал да покушивал Жуков табак без перестачи.

Но как услышал, что во дворце такое беспокойство, сейчас с укушетки поднялся, трубку бросил и явился к государю во всех орденах. Государь говорит:

– Ну вот что – устрой-ка мне к лету в Тавриде ай-Лимпиаду не хуже чем у греческих богов и героев. Что тебе, мужественный старик, от меня для этой цели надобно?

А Платов отвечает:

– Мне, ваше величество, ничего для себя не надо, так как я пью-ем что хочу и всем доволен, а я пришел доложить что готов все решительно исполнить чтобы и у нас было так как происходило при моих глазах в Англии.

Тут же они завели ай-Лимпиаду, набросав ей в особую щелку монет, атлеты пошли прыгать и скакать в каком угодно пространстве и в стороны верояции делать. Платов и мелкоскоп притащил, в который можно их видеть. Государь опять расчувствовался, а Платов снова говорит:

– Это, говорит, – ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует, а надо бы поглядеть в Туле или в Сестрорецке, – не могут ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане над русскими не предвзоувышались. Мы, говорит, таких стадий оных в Тавриде к лету понастроим что ни в каком Вимбледоне вы не увидите. Мы еще и всех этих вот английских атлетов на обе ноги подкуем и всем им кузькину мать покажем.

Государь никакому иностранцу уступать не любил, он и ответил Платову:

– Это ты, мужественный старик, хорошо говоришь, и я тебе это дело поручаю организовать. Мне эта коробочка все равно теперь при моих хлопотах не нужна, а ты возьми ее с собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поезжай на тихий Дон и поведи там с моими донцами междоусобные разговоры насчет их жизни и преданности и что им нравится. А когда будешь ехать через Тулу, покажи моим тульским мастерам эту ай-Лимпиаду, и пусть они о ней подумают. Я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Пущай они к июлю месяцу все тут выявленное в точности на таврической земле соорудят в натуральном виде. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают.

Вот как случилось что все пружины государственной машины опять задвигались и в недрах царской администрации родился очередной мега-проект. В рамках этого наполеоновского плана предполагалось освоить неосвояемое, увидеть невиданное и реализовать нереализуемое, то есть всех в мире превзойти и удивить. С этой целью решено было собрать все силы в один кулак и бросить этот кулак в южные губернии, чтобы спортивные баталии были жарче. Кроме того учитывая что регион сей был лишь недавно замирен и присоединен к империи предполагалась и некая нравственная, цивилизаторская миссия, которая должна была внушить новонабравным под крыло народам что и кроме горного разбоя есть в мире интересные занятия.

Конечно могло произойти так что нашлось бы много желающих что называется погреть руки на новой затее. Однако же памятуя что не подмажешь – не поедешь, решили закрыть на это глаза, по возможности впрочем строго пресекая злоупотребления. Потребовалось составить план кампании, найти лучших из лучших или же из худших, как получится, словом тысячи курьеров засновали взад и вперед. Граф Нессельроде, бывший при императоре теперь неотлучно, лично приставлен был курировать сие начинание, и созвал целое совещание с целью благословить созидателей оногo.

Планы как водится были не только составлены но и утверждены, причем на бумаге все выходило очень гладко а что касаясь оврагов, то не составителям предполагалось по ним шагать. Казалось предусмотрели все мелочи, какие только могли в природе случиться, расписали все до деталей и печать прилепнули. Словом, капризную фортуна схватили под уздцы и вели уже в государеву конюшню, чтобы никак ей было не отвертеться.

Все эти обстоятельства вместе взятые и обеспечили графу Г. и Морозьявину неожиданный бесплатный ночлег под казенной крышей, куда впрочем они попадали уже не в первый раз. Надо сказать, что путешествуя по Санкт-Петербургу граф всегда ожидал каких-нибудь чудес в виде привидений, домовых и прочей нечисти. Однако среди ведем временами попадались и прекрасные дамы, по крайней мере в графской молодости. Временами пускаясь в воспоминания он замечал, что дамы эти по мере того как бег времени уносил их образы все дальше, ста-

новились все прекраснее и прекраснее. Конечно реалистический и скептический взгляд разоблачил бы многие покровы тайн, но смотреть на мир реалистически было ужасно скучно, и граф Михайло полагал это уделом одних стариков, к которым разумеется не собирался относить себя еще лет пятьдесят.

– Ну что, на постоялый двор? Гостиниц тут полно, важно только гадюшник выбрать без клопов, – предложил мосье Вольдемар, понемногу осваиваясь и переходя от кочевого образа жизни к оседлому.

– Нет, погоди, я еще жду какого-нибудь чуда или путеводной звезды – неохота просто так заваливаться на бок. Ну а завтра уж будем искать внимания должностных лиц, которые так не похожи на красавиц, – отвечал ему граф, сожалея что время чудес для него уже прошло навсегда.

Но тотчас же, вопреки ожиданиям, среди длинных и узких улиц стольного города светлый образ прекрасной дамы материализовался для приятелей в виде женщины в белом.

Столица как раз переходила от дневных забот к вечерним наслаждениям, насколько это было возможно в столь стылом климате. Собственно будочники позажигали все фонари, так что не все кошки остались серы, а кроме того граф с приятелем уже успели пропустить стаканчик-другой горячительного на ночь дабы согреться после долгого пути. Благодаря этому обстоятельству их взгляд на реальность стал уже очень нетривиальным, буквально все попадавшееся на пути казалось вышедшим из самого пекла ада, даже если оно только что выпало из дверей кабака.

– Смотри ж ты, и точно вся в белом и с косой... – проговорил Морозявкин неожиданно пересохшими губами. – Неужто за нами косая пришла? Спаси нас владычица-троеручица, мать божья, сохрани и помилуй, как и мы миловали, не всех же подряд по миру пускали а с понятием и сожалением, ты помнишь, я ж всегда каялся!

– Да похоже что ты прав, – ответствовал ему граф, только что желавший его высмеять. – Кажется пришла тебе пора отвечать за все твои прегрешения да и меня заодно с тобой в адское пламя загребнут.

– Ну вы и хамы, господа! – отозвался на эту реплику женский голос, показавшийся смутно знакомым. – Не узнавать меня – это не только дерзость, но даже и государственная измена!

Здесь граф Г. несколько напрягся и попытался вернуться в реальный мир, чувствуя что трубы Апокалипсиса еще не прозвучали и просто так ему на тот свет сбежать не дадут. Кроме того у него мелькнула шальная мысль соблазнить эту даму даже если она была чертовкой, вылезшей из преисподней, так как он несомненно был чертовски красив и неотразим.

– Это почему это? – Морозявкин еще не поняв кто именно его спрашивает уже был готов отрицать любые обвинения. – Все бездоказательные наветы я решительно отвергаю, так и запишите в вашу книжку для Страшного суда!

– Видимо мамочка плохо следила за вашим воспитанием, месье Вольдемар! Ну ничего, в дороге придется этим заняться. Я сама за вас примусь, – после этих слов приятели узнали в белой фигуре-призраке свою старую знакомую – Лизу Лесистратову.

При дневном свете Лиза, худенькая миниатюрная шатенка с правильными чертами лица, была весьма хороша собой, а уж в неверном сиянии луны и ночных фонарей представлялась просто писаной красавицей. Граф конечно хорошо знал как обманчивы ощущения, но позволил себе на секунду поддаться чувствам. Секунда эта длилась почти с полчаса пока они как неизвестные крысы за гамилтонским крысоловом плелись сначала бегом а потом просто пешком в неизвестном им доселе направлении.

– Да куда ж мы так летим, все копыта собьем, – стонал Морозявкин, но граф не отвечал ему а только стискивал зубы и прибавлял ходу чтобы не отстать. У Лесистратовой в ноги наверное был встроен какой-нибудь хитрый паровой моторчик, который позволял ей идти впереди всех, впрочем грубый Вольдемар конечно полагал что это шило в заднице.

Фонари и тротуарные плиты под ногами так и мелькали, улицы как-то менялись одна за другой, то ли Морская с Литейной, то ли Гороховая с Мещанской – граф не был вполне уверен в названиях, так как не успевал смотреть по сторонам, опасаясь не успеть за своей проводницей, которая несмотря на невысокий рост так и летела вперед, негодуя когда они с Морозьявкиным отставали хоть на шаг.

– Левой! Левой! Держать строй! – командовала она на ходу, ругая конвоируемых спутников за бестолковость и удерживаясь лишь от классического суворовского «сено-солома».

Давно уже остались позади чистые тротуары Невского, ни о каких легких башмачках дам не могло быть и речи, и пройдя мимо каких-то местных каналов и перемахнув Неву через не узнанный графом в потемках мост они оказались перед черной громадой казенного вида. Перед спутниками распахнулись огромные ворота, выполненные в виде древнегреческого храма, с портиком и колоннами. Засуетились караульные, часовой взял под козырек и вытянулся, черная тень его выросла на стене в свете фонаря так что аж страшно стало, Морозьявкин было шарахнулся в сторону но суровой рукой графа был возвращен на путь истинный. После этого приятели оказались в казематного вида строении, а затем в подвальном помещении.

Озираясь по сторонам граф Михайло заметил большое количество беспорядочно сваленных мешков, выюков, тюков и даже гамаков. Кое-где вроде бы торчали удилища, лежали шашки и ружья, зияли раскрытыми пастями походные баулы, топорщились шинели и валенки, были сложены карты и какие-то книги, словом даже на складе казенного конфиската и то ассортимент был беднее. Могло показаться что ты попал на ту самую сорочинскую ярмарку только почему-то без продавцов и покупателей, хотя с другой стороны все смахивало на развалины александрийской библиотеки.

Тут можно было увидеть цветастые походные шатры и палатки, новомодные французские консервы, кожаные седла и упряжь, как будто они попали в конюшню, пузатые бочонки с порохом и пулями, хитрые лекарственные снадобья из аптеки на Аничкином мосту, тяжелые сундуки с монетами, запертые к сожалению наглухо и фигурные табакерки с крепким табаком, вполне открытые.

Везде чувствовалась хозяйская рука, их собиравшая, может быть и женская судя по тщанию и аккуратности, потому что ничто не было ни забыто ни рассыпано в небрежении. Казалось даже что только прочитать список собранного – и то до утра провозишься и позабудешь все прочие дела. Словом столь опытному путешественнику как граф стало в пять минут совершенно очевидно, что тут готовятся к походу, вот только куда? Этот вопрос он и не преминул задать, в то время как любопытствующий Морозьявкин обходил помещение, время от времени ловко пряча за пазуху какие-то мелкие вещицы.

– Мы готовимся к экспедиции на Северный полюс! Разве вы не знали? – Лиза очаровательно улыбнулась и поправила разившийся локон. – Месье Вольдемар, положите барометр на место, все равно на Хитровом рынке его не продать.

Морозьявкин сделал вид что огромный морской барометр прыгнул к нему в карман совершенно самостоятельно, а граф, несколько ошарашенный происходящим, спросил осипшим голосом:

– На полюс? Вот так прямо сейчас, даже без ужина?

– Без теплой одежды? Без подъемных? Да у меня и трех уже прохутился, в одно ухо влетает, в другое вылетает. Дыра на дыре! – запричитал Морозьявкин, очевидно давя на жалость и надеясь на поживу.

Некоторое время Лесистратова наслаждалась произведенным эффектом, а затем решила пожалеть несчастных странников, которые как видно решили что вместо теплой Тавриды их почему-то собираются сослать в места не столь отдаленные, хотя конечно и не очень близкие к столицам.

– Успокойтесь, господа! Я пошутила. Мы едем не на Север а гораздо южнее. Песцовая шуба вам не понадобится! – Лиза иногда любила пошутить, безошибочно находя для этого и время и место.

– Значит и писец не придет! – обрадовался Морозьявкин.

Сообразив что кажется его немедленно не повесят и на мороз не выкинут, Вольдемар приободрился и решил пока что поглядеть что к чему сообразно обстоятельствам. Ясно было что место хлебное, ну а что касается прочего то на все была божья воля. Видимо тут-то судьба-злодейка решила его вознаградить за все предыдущие страдания и следовало конечно воспользоваться такой оказией раз уж журавль сам летел в руки.

Правда от крепости за версту несло сыскарями, жандармами и прочими элементами, непереносимыми для вольнолюбивого и креативного класса свободных художников, к каковому он себя причислял, переходя от мошенничества к воровству и разбою только в силу тяжких обстоятельств. Однако учитывая яростную потребность в пище, даже более сильную чем потребность в красоте, можно было и потерпеть присутствие государевых сатрапов, посмотреть как оно все сложится.

Морозьявкин немедленно исчез между проходами проводить спешную ревизию, а Михайло тем временем решил навести справки об их месте встречи и цели оной. Он хотел вопрошать по возможности величаво и достойно, однако волнение помешало.

– Но позвольте, сударыня, куда же вы тогда нас завели и к чему весь этот маскарад и где мы находимся? – скороговоркой зачастил вдруг граф, не в силах сдержать нахлынувших вопросов.

– Разве вы не в курсе текущих событий, граф Михайло? Я полагала что ваш отставной благодетель князь Куракин должен был вам рассказать сию тайну. Мы отправляемся в Тавриду – устраивать греческую Олимпиаду а-ля рюс! Граф Нессельроде взял это дело под персональный присмотр, на премьеру соберется весь двор. Вот мы и решили здесь, в Тайной экспедиции, устроить небольшой склад, так сказать хранилище для нашей крымской экспедиции! Правда остроумно?

Граф никак не ожидал, что в самую суть проекта вмешается Тайная экспедиция, но решил на всякий случай сделать вид что ничуть не удивлен. В те времена секреты и тайны так и витали в воздухе, времена гласности и демократии еще не наступили. Хотя отдельные попытки вольнодумцами и предпринимались, но к счастью гильотины работали исправно. Люди все еще искали новые неоткрытые острова и загадочные земли, полагая что там хорошо где нас нет. Любое сколько-нибудь значимое начинание укутывали покровом тайны, иначе к нему и близко никто бы не подошел, даже и глядеть бы не стали. Поэтому вояжи инкогнито хоть и считались кое-где дурным тоном но все еще оставались модным начинанием.

– И вправду остроумно – экспедиция из экспедиции! Очаровательная игра слов! А мы значит сейчас...

– В Петропавловской крепости! Ну я думала вы догадаетесь – ведь тут уже не в первый раз. Я разумеется давно здесь не служу, но все же иногда забегаю.

Граф Михайло начал размышлять о том какие причудливые формы иногда принимает царское стремление сделать все как нельзя лучше и на европейский манер, Лиза же между тем приказала ставить самовар с баранками, дабы подбодрить вновь прибывших членов экспедиции, которым несомненно предстояло сыграть важную роль.

– Угощайтесь! И садитесь поудобнее – тут много места, не стесняйтесь себя!

– Ах не извольте беспокоиться, мадемуазель, – ответил граф любезно как всегда и думая куда это подевался друг Вольдемар, который только что как будто крутился рядом.

В это время Морозьявкин как раз пересчитывал наваленные мешки. Он насчитал уже несколько десятков, но сбивался и все время начинал сначала. Задавшись целью перед тем как поживиться провести всеобщую инвентаризацию, месье Вольдемар уже мечтал устроить

гарем, непременно на пресловутые две тысячи мест, и помимо наложниц, пальм и фонтанов понаставить кругом евнухов с саблями – для охраны, чтоб чего не уперли, так как для всякого мошенника нет ничего хуже чем покушение на его добро другого мошенника. Склад Тайной экспедиции должен был стать основой будущего богатства и благосостояния.

Увидевши что началась бесплатная раздача бубликов Морозьявкин как-то быстро выскочил из-за заставленного бочонками угла и присоединился к графу с Лизой. Захвативши себе самое большое блюдо, он начав хлебать чай вприкуску с постным сахаром и давясь маковыми баранками.

– Богато, солидно, впечатлило! – делился он мыслями. – Однако этот наш загородный пикничок будет обставлен всяким барахлом прямо всем на удивление!

– Наша экспедиция – вовсе не развлечение, а проявление высочайшей монаршей воли и высочайшего же доверия! – подняла Лизонька палец вверх. – Я отвечаю за секретность и безопасность сей кампании. Кстати, господин Вольдемар, пора устраиваться на ночлег. С какой стороны решетки вы желаете почивать – с той или с этой?

Тут только приятели заметили, что подвал того каземата, куда привела их бывшая сыщица а ныне придворная дама, сделавшая крутой карьер, напоминал скорее тюремную камеру нежели чем купеческий лабаз. Там в глубине были и решетки, и нары, и даже кажется пыточные приспособления вроде дыбы. Живому воображению графа мигом представились многочисленные камеры, в которых томились враги отечества, а также всевозможные маргинальные и криминальные элементы. Река Нева, прорытый вдоль Заячьего острова канал, стены, земляные сооружения, бастионы и рavelины крепости не давали негодяям убежать и позволяли самодержавию и крепостничеству и далее существовать спокойно.

Тут бывали и оппозиционер Бирон, и революционер Радищев, готовились к приему декабристов, словом жизнь за крепостными стенами кипела даже ярче чем на воле. Конечно в мире существовали крепости и более знаменитые, как например безвременно павшая под натиском восставшей черни Бастилия, но для дорогих россиян свои казематы разумеется были интереснее чем запутанная история восстания злобной французской буржуазии против доброй королевы Марии-Антуанетты, предлагавшей голодным за неимением хлеба есть пирожные. Вообще что там не предлагали разгневанным трудящимся – всем они были недовольны и лишь вид королевской крови их успокаивал, так что сообразивши это правители лечили революционную лихорадку старыми испытанными средствами – виселицей и нагайкой.

– У нас мало места... а времени еще меньше! С утра подъем в шесть часов! Не проспите. Впрочем я вас разбуджу.

Невзирая на протесты Морозьявкина, его оставили коротать ночь по ту сторону решетки, причем Лесистратова для надежности сама задвинула засов на двери. Ночь прошла относительно спокойно. Граф Г. не знал еще, сколько им предстоит впереди хлопот и бессонных ночей, поэтому предпочел не замечать нынешних неудобств, опасаясь что на смену им придут еще более зловредные. Жесткий валик, видимо набитый камнями, вместо подушки, миска тюремной похлебки вместо ужина – все это конечно не напоминало обычный графский стол, но взамен Михайло ощутил кое-что другое, уже несколько подзабытое – терпкий вкус приключений и сильную тягу к оным.

Ночью на крепость накатывали сны и всем непременно снилось что-нибудь. Узникам снилась свобода, причем представлялось что если только ее как-нибудь заполучить то тут же как по волшебству сбудутся и все остальные мечты, что конечно было горькой ошибкой и оптической иллюзией.

Графу Г. приснилось что грубая кирпичная кладка крепости вдруг растворяется и бледные тени заключенных тянут к нему свои призрачные руки, пытаясь перетянуть к себе, в потусторонний а точнее потустенный мир. Он пытался убежать от призраков но ноги будто бы и

бежали а тело вовсе не двигалось, так что выходило совсем худо. Холодный пот заливал лицо, и сон вышел вовсе не героическим.

Морозязкину конечно снилась сладкая жизнь, «дольче вита», как выражались господа итальянцы. Во сне было все то же что и в мечтах – роскошь, давно уже им, по собственному разумению, заслуженная, и многочисленные дамы и бабы, которые так и липли к нему как мухи. Он был уважаемым всеми господином при усах и при часах, окруженный почтением слуг и гостиничных швейцаров, и на чай всегда давал не менее трех рублей.

Лесистратовой же, прикорнувшей в уголке на служебной кушетке, снились разумеется кавалеры, которые к тому же были сложены как греческие атлеты и красивы как молодые боги. Она всех очаровывала и таяла от мужского внимания, а служебные дела забросила в самый дальний угол вместе с вязанием. Словом, тут к каждому явился сон, которого тот заслуживал.

Утро вползло в каземат снопами света, прорывавшемся сквозь зарешеченные оконца и радостно прыгавшем по полу солнечными зайчиками. Разбуженные криками Лесистратовой «Подъем, раздача казенного провианта!», нехотя поднявшись и наскоро умывшись будущие зодчие самой великой и дорогостоящей ай-Лимпиады в мире давясь проглотили по миске горячего и вонючего казенного арестантского корма, сваренного впрочем согласно заверениям тюремных чиновников из свежайших высочайше утвержденных продуктов. Граф вспомнил что в походах бывала еда и похуже, Морозязкин же еще не успел зажраться на графских и казенных харчах, поэтому был более снисходителен к тюремному кошту, опасаясь что в будущем и такого может не обломиться.

Собственно основой данного питания служил армейский паек, так что тут всем желающим предоставлялась возможность похлебать солдатской каши за казенный счет. Крупа и мука выделялась исправно, а вот продукты более роскошные, рыбные и мясные, шли уже за счет благотворительности, впрочем добрых людей на Руси всегда хватало, так что борщ был с мясом, а овощное рагу – с овощами. Приятели однако же не без содрогания подумали что в придачу к солдатской пище их чего доброго заставят тянуть и солдатскую лямку. Морозязкин опасался за свою шевелюру, думая что не дай Бог забреют лоб как рядовому, граф утешал его что кому суждено быть исполосованным кнутом и с выдранными ноздрями каторжанином тот в армейские ряды не попадет.

– Готовы? Не готовы? Пошел, пошел! – подгоняла Лесистратова графа и Морозязкина словно те и впрямь были арестантами. Сначала она хотела было разбудить их по привычке бадьей ледяной воды, но потом все же решила побереечь ее для умывания. Наскоро приведя себя в порядок и мило улыбнувшись отражению в зеркале Лиза принялась командовать далее.

Под ее чутким руководством собравшиеся забегали и запрыгали, стали делать что-то наподобие утренней гимнастики, охлопывая себя по груди и ляжкам как это делали замерзшие ямщики, и начали искать свои глубоко зимние шубы, шапки и прочие шарфы с рукавицами. Морозязкин как-то случайно нашел две чужие шубы, соболью и песцовую, которые у него правда вовремя отобрали едва не намяв бока. Он отчаянно сопротивлялся и утверждал что принес обе с собой и это его наследство и последнее утешение, несмотря на то что хозяева были тут же налицо. Тут уже всем стало жарко, а вещи начали разбирать и навьючивать на коней с носильщиками.

Не прошло и получаса, как все присутствующие оказались во дворе, причем Морозязкин зевал и потягивался, а граф Г. зябко ежился от утреннего морозца. Большое количество уже навьюченных лошадей, крики берейторов и фореиторов, а также ефрейторов и прочих вертухаев резали аристократические графские уши. Он уже решил что пожалуй староват для таких походов, ибо такое количество простонародных идиотов собранных в одном месте начало его как-то нервировать, хотя в юности только забавляло. Впрочем начало обещало много поворотов сюжета – и граф Михайло решил уж доиграть комедию до конца.

Над Петербургом уже встало жиденькое рассветное северное солнце, которое конечно не пробуждало желания куда-то тащиться по холодку, но и заснуть не давало, ни себе ни людям. Лесистратова рысью обегала обоз взад и вперед, считая все ли на месте, Морозявкин кутался в огромный казенный тулуп с воротом из овчины, выданный ему вместо рваной шубейки.

Михайло от нечего делать наблюдал как Лиза, взгромоздив на плечо странный прибор на штативе под названием «диоптр», принятый вчера друзьями за косу смерти, раздавала последние указания. Собственно все уже собрались ехать – сани и кареты встали в ряд, ямщики закурили трубочки и приготовились к дальней дороге и замерзанию в глухой степи, мешки лежали уложенные, люди сидели сосчитанные, даже Морозявкин проникся торжественностью момента и глядел соколом из-под треуха, все нижние чины были на своих местах и при командирах. Оставалось только трогаться с Богом и ехать к черту на рога.

Граф уж подумал что сейчас раздастся команда «ну», которая равно как и команда «тпру» управляла трафиком, как вдруг издалека раздалось какое-то молодецкое уханье и гиканье. Собравшиеся повернули головы к воротам. Оттуда донеслась отчаянная брань, свист нагаек и лошадиное ржание. У Михайлы сложилось впечатление, что кажется кто-то хотел пройти в крепость, но ему не давали.

Раздалась пара выстрелов из пистолетов и один ружейный, в ворота что-то глухо бухнуло, залаяли собаки. Пробежал растерянный офицер, собирая солдат и очевидно не понимая что следует предпринять. Доски затрещали, Лиза побледнела и подхватила, бросившись в караулку.

– Платов с казаками приехали! – пояснила она на бегу в ответ на немой вопрос Михайлы.

И действительно то был Платов. Знаменитый донской казак явился с утра пораньше на удивление трезвым и оттого еще более грозным, и привел с собой свое войско. Казаки расположились перед воротами шумным табором и кажется собрались штурмовать Петропавловскую крепость как французы свою Бастилию, будучи не в состоянии равнодушно смотреть на запертые двери.

Собственно говоря именно за это ценное качество казаков и держали на царской службе, однако сейчас такая смелость была вроде бы не к месту. Отчаянные рубаки, со своими шашками и пистолетами, дети донских степей, они как будто бы удивлялись что кто-то не открыл ворота заранее, и ждать не желали.

Охрана на бастионах как-то растерялась и не знала – то ли стрелять в воздух чтоб не убежали, то ли раскрыть ворота чтоб не прибили. Отсутствие четкой команды портило все дело и могло привести к печальным последствиям и жертвам. К счастью вмешательство Лесистратовой позволило распахнуть дверные створки и вся казачья компания вкатилась на крепостную территорию. Платов гордо подкрутил ус и спешился.

– Стой, раз-два! Я щас всех вас построю и можно двигать! – объявил он. – А кто в походе меня слушать не будет – голову сниму!

– Ах что вы, Матвей Иванович, не извольте беспокоиться – все вас будут тут слушаться! Я за этим прослежу... – залебезила Лиза скороговоркой, надеясь что прямо на месте головы рубить все же не станут, потому что это не комильфо.

– Я и сам прослежу! Экипаж запряжен, ямщики-форейторы на месте? Ну теперь гайда! Не зевайте – нам мигом надо в Тавриде быть!

И вся компания верхом и на санях выкатилась за ворота Петропавловской крепости. Конные и пешие, в повозках и каретах, с тюками и без оных, ошетилившиеся ружьями, знаменами и даже хоругвями, маленькое но грозное войско двинулось из хладного Петербурга в горячие и обильные южные земли.

Под копытами месился снег и грязь, скрипели санные полозья, петербургские дома и першпективы Невского отступали и растворялись, болота и леса наступали. Люди посуровели и уже без шуток хлестали лошадей. Во всем чувствовалось какое-то величие катящейся вперед

машины, а графу померещилась даже некая обреченность, впрочем Морозявкин уверял что они обречены на успех и славу. Только один Бог знал сколько героям предстояло вытерпеть в пути но он разумеется ничего им говорить не собирался, ни посылая ангелов, ни лично являясь начальникам экспедиции. Все предстояло испытать на себе – и град, и хлад, и мор, и недожор, хотя Морозявкин надеялся что до этого не дойдет, что Бог их не выдаст а свинья не съест. Великий олимпийский поход за золотом начался.

Глава четвертая, походная

В походе как известно полагалось не зевать и вперед смотреть. И люди и лошади устали, но привалы делались везде самые короткие, и граф едва успевал только сказать Лизе «бонжур» и «бонсуар», или наоборот. За такой светской беседой перемещение вперед проходило как-то незаметно, и версты, что так и рябили в очи, уже не столь утомляли. Лиза в своем замечательном песцовом палантине напоминала скорее не экспедиционерку а ту самую петербургскую барышню, которую много позже Крамской запечатлел как таинственную незнакомку, что конечно сильно украшало суровые будни.

– А что, брат Михайло, хорошо идем? – вопрошал Морозявкин графа, так что тот только морщился от такого панибратства, но отвечал:

– Да еще как хорошо, версту в час делаем! – Лошади вязли в болотистой местности, так что скорость всего поезда была прямо как в дорожной пробке или же заторе.

Граф Г. наивно думал что они так и попрутся напрямик в Тавриду без пересадок, но нет – надобно было еще и в Тулу, волшебный город мастеров, забежать. Тут ковалось всевозможное оружие и применялись наипервейшие в то время оружейные придумки, так что было чем потом на выставке в самом городе Париже хвастаться. Таким образом образовался прямо инновационный городок, с английскими станками и российскими кузнецами, чудо-мастерами, художественно украшавшими клинки и ружья даже для самой царской фамилии.

Платов взял стальную ай-Лимпиаду и как поехал со всей командой через Тулу на Тавриду, показал ее тульским оружейникам и слова государевы им передал, а потом спрашивает:

– Велено эту самую ай-Лимпиаду у нас в Таврической губернии в кратчайший срок соорудить. Как нам теперь быть, православные?

Оружейники отвечают:

– Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуем и никогда его забыть не можем за то, что он на своих людей надеется, а как нам в настоящем случае быть, того мы в одну минуту сказать не можем, потому что аглицкая нация тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство в ней с большим смыслом. Против нее, – говорят, – надо взяться подумавши и с божьим благословением. А ты, если твоя милость, как и государь наш, имеешь к нам доверие, поезжай покамест в свою Тавриду, а нам эту ай-Лимпиаду оставь, как она есть, в футляре для всестороннего изучения и составления сметы и плана работ на три года вперед. Гуляй себе по Крыму и заживляй раны, которые принял за отечество, а когда назад будешь через Тулу ехать, – остановись и спыслай за нами: мы к той поре, бог даст, что-нибудь придумаем.

Платов конечно им отвечает:

– Гулять нам некогда – волю государеву исполнять надо. А вы так много времени требуете и притом не говорите ясно: что такое именно вы надеетесь устроить. Я тем не совсем доволен.

Спрашивал Платов их так и иначе и на все манеры с ними хитро по-донски заговаривал; но туляки ему в хитрости нисколько не уступили, потому что имели они сразу же такой замысел, по которому не надеялись даже, чтобы и Платов им поверил, а хотели прямо свое смелое воображение исполнить, относительно сметы работ величиной до самых небес и сроков до самого Страшного суда.

Говорят:

– Мы еще и сами не знаем, что учиним, а только будем на бога надеяться, и авось слово царское ради нас в постыждении не будет.

Так и Платов умом виляет, и туляки тоже. Но конечно туляков было не перевилять, поэтому действовать пришлось простыми казацкими методами.

– Ну, так врите же вы, подлецы, я с вами так не расстануся, а один из вас со мною в Тавриду поедет, и я его там допытаюся, какие есть ваши хитрости!

И с этим протянул руку, схватил своими куцыми пальцами за шивороток босого Левшу, так что у того все крючочки от казакина отлетели, и кинул его к себе в коляску в ноги.

– Сиди, – говорит, – здесь до самой Тавриды вроде пубеля, – ты мне за всех ответишь.

А Лиза Лесистратова и говорит:

– Ах, – говорит, – что ж нам только одного брать с собой, там ведь работы сколько. Мне вон еще тот нравится, чернявенький, и беленький тоже симпатик и шарман. Давайте и их прихватим уж заодно.

Мастера им только осмелились сказать за товарищей, что как же, мол, вы их от нас так без тугамента увозите? им нельзя будет назад следовать! А Платов им вместо ответа показал кулак – такой страшный, бугровый и весь изрубленный, кое-как сросся – и, погрозивши, говорит: «Вот вам тугамент!»

– Вы за бумаги казенные не беспокойтесь – с нами он и без бумаг целее будет чем без нас с бумагами, – пояснила мастерам Лесистратова. – А их ждет не ратный, но трудовой подвиг!

В общем когда спешно собранная в путь экспедиция выкатилась из Тулы, мастера-оружейники в начальном количестве три человека, один из каковых был косой Левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны, не успевши ни попрощаться с товарищами ни с своими домашними, ни взявши даже сумочек скрылись из города.

В дороге Левша конечно прикладывался ко фляжке которая была сконструирована столь хитро что у нее помимо основного содержимого имелся еще и солидный запас между двойным дном. Это позволяло ему относиться к происходящему столь философически что спутники даже завидовали, не понимая причин его веселья когда между перегонами посудина казалась уже сухой и опустевшей.

– Оно конечно, дурачку все весело! – злились старые ямщики, из которых правда еще ни один не замерз но двоих во время походов до ветру успели задрать оголодавшие бобры, и добавляли пророчески: – Ничего, хлебнет еще горя, а не горячительного, по самое горлышко нахлебается.

Путь графа Г. со товарищи лежал в теплые южные края, до которых уже будто бы добралось благотворное дыхание весны. Снег начинал даже кое-где таять, прилетали просясь на картину грачи и прочие весенние птицы, проталины радовали глаз и можно было подумать что вот-вот наступит лето. Однако же в этом году будто какой-то злой рок сдерживал его наступление. Казалось сама природа выступала против устройства летних олимпийских игрищ и не понимала всю важность исполнения государственной воли.

– Скоро ли придет весенняя пора, запоют веселые птички, зажурчат горные речки? – вопрошал граф у Лесистратовой на коротком привале.

– Скоро, скоро, ваше сиятельство, оглянуться не успеете, а из голубей я умею готовить прекрасное жаркое! – ободряла его Лиза. – Пальчики оближете! Недурно также и рагу из соловьиных языков, хоть на что-то эти лесные пичужки сгодятся кроме щебетания.

Ободренный этими словами, граф Михайло продолжал ждать и надеяться на лучшее, стойко перенося все тяготы и лишения ай-лимпийской службы. Конечно в дороге не кормили трюфелями, но Морозявкин сумел-таки заколоть того самого медведя который чуть не достал до смерти его самого, и граф не без удовольствия отведал его жареной печени, надеясь правда в Крыму полакомиться кое-чем послаще.

В географическом положении экспедиция следовала по градам и весям Российской империи, забирая все больше к Таврическому полуострову. Мимо пролетали Тула, Орел, Курск, Воронеж, завернули конечно и на Тихий Дон, без которого Платов просто и жить и дышать не мог. Однако долго он с любимыми казаками лясы точить не стал, зная что они и так все царю

и отчизне преданы без меры, а без промедления поехал вместе со своим войском и гражданскими лицами к конечной цели путешествия.

Войско поспевало за ним как могло, сомкнув ряды и даже выпивая на ходу. Дороги попадались как назло ровные и кони несли по ним резво, так что даже предлога остановиться передохнуть после канав да рытвин и то не было. Казаки гикали, ямщики гарно спивали «Степь да степь кругом, путь далек лежит», Морозявкин затянул французскую народную «Мальбрук в поход собрался», граф также на французском объяснялся Лизе в любви, но она никак не желала понимать его классический прононс, словом все были в путевом настрое.

– Не правда ли, сколь широка и обширна наша Россия, и сколь много в ней интересного? Что ни городок – то удивительная земля, полная загадок... А отыскивать разгадки так увлекательно! – рассуждала Лиза.

Граф Г. полагал правда что российские города – это тоска зеленая, и любой европейский приморский городишко даст фору даже и большому отечественному губернскому городищу, где из достопримечательностей были только театр, церковь да гостиница, но спорить не стал.

– У вас такой верный и острый взгляд, мадемуазель!

Платов ехал очень спешно и с церемонией: сам он сидел в санках, а на козлах два свистовые казака с нагайками по обе стороны ямщика садились и так его и поливали без милосердия, чтобы скакал. А если какой казак задремлет, Платов его сам из санок ногою ткнет, и еще злее понесутся. Эти меры побуждения действовали до того успешно, что нигде лошадей ни у одной станции нельзя было удержать, а всегда сто скачков мимо остановочного места перескакивали. Тогда опять казак над ямщиком обратно сдействует, и к подъезду возвратятся.

Граф Г. полагал что следует делать какие-то путевые заметки, дабы оставить потомкам подобающее назидающее и похвальный пример. В те времена многие великие путешественники не могли даже из Петербурга в Москву прокатиться чтоб об этом не написать что-нибудь глубокомысленное. Однако Михайлу все время отвлекало то одно то другое – лошадь иногда сбояла, Морозявкин требовал внимания и дорожных расходов, Лесистратова привлекала неожиданной красотой и грацией, словом некогда было и подумать о мемуарах.

Однако же граф чувствовал что потомки много бы извлекли из его жизнеописания, в котором было бы немало поучительного – и встречи с великими людьми, вельможами и поэтами, и необычайные приключения, вот только руки не доходили все описать. Морозявкин говорил что вполне готов взяться за мемуары графа самолично если уж у Державина с Крыловым все руки не доходят, но все же Михайло понимал что столь беспокойному человеку нельзя доверять великое дело и придется пожалуй скрипеть пером самолично, хоть это конечно не вполне аристократическое занятие.

Графа ужасно утомила эта азиатская скачка, которая живо напомнила ему походы за золотом, устраиваемые жителями Северной Америки когда им надоедало воевать с англичанами и индейцами. Временами он даже не мог перекинуться парой слов с Морозявкиным или мамзель Лесистратовой, дабы скрасить столь утомительное путешествие. Однако же все возмевшее начало имело и конец, даже российская дорога. Проехали уж и Харьков, и Екатеринослав – и вот после днепровских вод показался славный губернский город Азов. Близость Малороссии говорила о том что скоро все потонет в весне и лете, но видимо специально чтобы позлить графа Михайлу лето не спешило.

Глава пятая, строительная

К счастью в Крыму и зимой, и ранней весной было не слишком холодно. Мягкий климат радовал то внезапным солнцем, то снегом, то дождем. В горах снегу было полно, и Ай-Петри в сиянье дымки голубой утопал в снежной перине, в которой вязли лошади и путники. Но южный дух накладывал свой неповторимый отпечаток на погоду и природу, очертания далеких гор и лесов, так что конечно особенно тосковать не приходилось. Деревья в ледяном уборе выглядели очень впечатляюще, а море зимой плескалось как-то особенно вальяжно.

Граф уже радовался было предстоящим променадам по набережной но к сожалению высокая цель их похода оставляла мало времени на наслаждение холодными морскими брызгами. И тут было море, и тут было конечно теплее чем в стылом Санкт-Петербурге, но все еще далеко не жарко. Почему-то сразу захотелось спросить грогу или на худой конец глинтвейну в местном кабачке. Он уже почувствовал себя Робинзоном, героем английского романа про необитаемый остров, и возмечтал взять в Пятницы Лизу или уж на худой конец Морозьявкина.

– Ах что же вы так грустны, ваше сиятельство? – Лиза никогда не теряла оптимизма. – Мы уже на месте! Смотрите, какие горы, какое море – красоты неописуемые!

– Ага, непочатый фронт работ. Года три провозимся, не менее! И замерзнем все. Не будет в этом году лета, вот вам истинный крест не будет... – Морозьявкин безуспешно ожидал тепла и всю дорогу не расставался с казенным тулупом и своим треухом.

– Сие никак невозможно – возиться столь долго. Скоро государева инспекция, вероятны и ревизоры из Петербурга инкогнито, – пояснила Лесистратова, глубоко просекшая тему.

– Я им провожусь! Шельмы собаческие, мигом у меня все построят! – присоединился к беседе командного состава и Платов.

– Да что строить-то, по какому плану? Нам господь пока ничего не подсказал, а без божьей помощи никак. Тут надо пойти нам было в Киевскую сторону, почивающим угодникам поклониться или посоветовать там с кем-нибудь из живых святых мужей, всегда пребывающих в Киеве в изобилии, – заныли хором мастера, которые как бродячие собаки все время ошивались тут же у ног. – От Тулы-то до Орла всего два девяносто верст, да за Орел до Киева снова еще добрых пять сот верст. Пустяки! А до Тавриды-то через Дон без пересадок тыщу верст лесом, такого пути скоро не сделаешь, да и сделавши его, не скоро отдохнешь – долго еще будут ноги остекливши и руки трястись. Надобно было отслужить молебен Николе-угоднику, когда мы надысь близь Мценска промчались – там древняя «камнесеченная» икона была, приплывшая сюда в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше. Икона эта вида грозного и пристрашного и без нее ну никак!

Платов эту речь не дослушал и сразу как закричит:

– Что же вы, такие-сякие, сволочи, делаете, да еще на всякие молебны растрачивать время просить смее! Или в вас и без этого бога нет! Может вы набахвалили перед мною, а потом как пообдумались, то и струсили и теперь совсем сбежать решили, унеся с собою и царскую золотую шкатулку, и наделавшую вам хлопот аглицкую ай-Лимпиаду в футляре!

Но Лиза за мастеров заступилась:

– Такое предположение совершенно неосновательно и недостойно искусных людей, на которых теперь почивает надежда нации! – сказала она с горячностью и даже подняв пальчик кверху. – А что касается церковной службы, то мы тут же на месте соорудим походную церковь и отслужим в ней молебен за успех предприятия.

Так и поступили. В три дня воздвигли деревянный даже единого без гвоздя походный божий храм ибо туляки, люди умные и сведущие в металлическом деле, известны также как первые знатоки в религии. Ну конечно бить там поклоны мастера и впрямь собрались всерьез и надолго, однако Платов это дело быстро прекратил – послал за ними свистовых. Свистовые

же как прискочили, сейчас вскрикнули и как видят, что те не отпирают, сейчас без церемонии рванули болты у ставень, но болты были такие крепкие, что нимало не поддались, дернули двери церковные, а двери изнутри заложены на дубовый засов. Тогда свистовые взяли с улицы бревно, поддели им на пожарный манер под кровельную застреху да всю крышу с маленькой церквушки чуть не своротили. Но крышу сняли, да и сами сейчас повалились, потому что у мастеров в их тесной хороминке от безотдышной службы местного отца Силуана, натуры чрезвычайно деятельной и неугомонной, в воздухе такая потная спираль сделалась, что непривычному человеку с свежего поветрия и одного раза нельзя было продохнуть.

Платов сейчас к мастерам:

– Готовы ли планы будущей стройки?

– Все, – отвечают, – готово.

– Подавай сюда.

Подали ему бумажку, а на ней только три слова: «С божьей помощью».

Платов говорит:

– Это что же такое? А где же планы, по всей зодческой науке, ваша работа, которую вы хотели государя утешить?

Оружейники отвечали:

– Мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные. Наша работа строго секретная. Ее увидеть можно будет только при полной готовности, по прошествии времен.

Платов спрашивает:

– В чем же она себя заключает?

А мастера и отвечают:

– Зачем это объяснять? Все здесь в вашем виду, – и предусматривайте.

Тут Платов опять начал кричать:

– Что вы, подлецы, ничего не сделали, да еще, пожалуй, всю выданную вам на поглядение вещь испортили! Я вам голову сниму!

Но Лиза Лесистратова сказала:

– У меня, – говорит, – полно всяческих описаний древних олимпийских игрищ, даже и с картинками и всякой цифирью. Я в Императорской Публичной библиотеке в Петербурге, что недавно открылась, знаниями впрок запаслась. Там и про бег, и панкратион, и бой на кулачках, и конные скачки... Сие говорит о пользе человеческих познаний и о потребности общественных книгохранилищ для каждого благоустроенного государства!

Платов конечно сморщился и говорит ей:

– Ты мол девка не части, а по делу говори. Нам не храмы просвещения изучать надобно а скорее поспешать сполнять государеву волю.

Тут завязалась дискуссия. Лесистратова полагала что дело требуется сначала обсудить дабы составить план кампании, Платов же уверял что думать тут нечего а надо сразу прыгать. Граф Г. придерживался нейтральной и сбалансированной точки зрения – сначала построить как получится а план и смету уточнить уже в ходе постройки, все равно ведь в указанную сумму не уложиться, памятуя предыдущий опыт великих архитекторов как древности, так и современного града на Неве.

Однако Лесистратова все же добила своего – ее было не переупрямить когда вожжа под хвост попадала. Приказавши ставить самовар решились с божией помощью и посильным участием начать перспективное планирование.

Сошлись они все пятеро – Платов, Лиза и мастера – в один домик к Левше, двери заперли, ставни в окнах закрыли, перед Николиным образом лампадку затеплили и начали работать. Уже в самое кратчайшее время план стадиона для бега на дистанцию в олимпийскую стадию, то есть на 90 саженей, был готов и даже обвязан розовой ленточкой для сохранности. Тут же были

размечены и дистанции для долгого бега, на версту с четвертью, и для двойного бега – туда и обратно, повернувши назад через столб, словом все предусмотрели. Лиза даже вспомнила что древние атлеты состязались в обнаженном виде и слегка приблизилась представивши себе эту картину, подобную изображениям на древних греческих вазах, но сочла что это было бы слишком уж скоромным.

– А что, одеть всех в солдатские мундиры да и пусть маршируют! Не в туники же, чай тут у нас не Греция, – пояснил Платов присутствующим.

– У нас тут ни разу не Греция, – согласился граф Г. не без сожаления.

– Да, там у них в Греции все есть – и финики и атлеты, а мы должны придумывать и строить все на месте, – подметила Лиза разницу. – Но мы рождены чтоб сказку сделать былью!

В этой самой древней Греции как выяснилось действительно было все, и даже сверх приличий. На краснофигурных амфорах собственно и факельная эстафета проводилась без лишней одежды, и повелось это от некоего бегуна по имени Орсипп из Мегар, который во время бега потерял повязку но зато приобрел лавровый венок. Впрочем кое-кто утверждал, что все началось после греко-персидских войн или вообще наследие старика Гомера. Так или иначе, в условиях холодной и консервативной России такой опыт сочли неприемлемым даже в просвещенном XIX веке, так что далее уже обсуждали детали бега с оружием – гоплит был вооружен копьем, щитом и поножами.

– У нас же тут не гладиаторские бои, господа – никакого оружия не нужно! – попыталась демилитаризовать будущие игры Лесистратова.

– А было бы неплохо, как Ретиарий против Секутора в древнем Риме – ну там один с трезубцем и сетью, а другой с мечом и щитом, – внезапно обрадовался граф Михайло.

– Мы есть государев и щит и меч и других тут ему не нужно! Хотя конечно пускай тренируются метко стрелять, только не из пушек по воробьям, – разрешила Лиза.

Платову весьма понравилась идея про бег в полном вооружении, причем он тут же предложил бегать с мушкетонами и в кирасах, а также и с походным ранцем, набитом камнями. Тут же припомнили и панкратион, сиречь единоборства, и конные бега, словом ничего не забыли. Для бегов надобно было строить гипподром – место для конных ристаний, да такой подобного которому в России до сих пор не водилось. Вспомнили о древнеримских гипподромах, и так как Москву уже тогда считали Третьим Римом, решили ему подражать. Нужно было отыскать местечко в долине длиной по крайности в версту и шириной семь десятков сажень, дабы там с удобством расположились и всадники и зрители.

Знаменитый древний стадион Олимпии располагался близ алтаря Зевса и был окружен искусственными насыпями и естественными холмами, на которых размещались сидевшие зрители, коих насчитывалось десятки тысяч и это был еще не рекорд. По его прямоугольному пространству были сделаны земляные дорожки для бегунов, на каменной трибуне имелись места и для судей с организаторам и копируя следовало ничего не забыть. Женщин не допускали – кроме одной жрицы богини Деметры, да и та смотрела издали, от алтаря. В резервуары для воды полагалось приносить всякие бронзовые дары. На гипподроме же выступал сам римский император Нерон, как указывал древний грек Павсаний. В общем было на кого равняться и кому подражать.

– Поиск места – это важнейшее дело, господа! Давайте облетим всю Тавриду на воздушном шаре? – предложил граф Г. высокому ай-лимпийскому собранию.

– Ну вот еще выдумали! Вы расшибетесь, ваше сиятельство, и такая потеря будет совершенно непереносима. Нет, лучше путешествовать верхом или пешком, с ночевками под звездным небом, – отозвалась Лиза в романтическом ключе, однако граф тут ее не поддержал так как слишком уж утомился от долгого путешествия с Петербурга до Тавриды.

– Карту разложим – все увидим! Города и веси, все четко отражено картографами и внесено в реестры, – зычно пояснил Платов и для верности прихлопнул по разложенной карте кулаком.

Впрочем в Таврической губернии имелось столько прекрасных перспектив и самых чудных видов что поиск нужного места не представлял никаких затруднений. Близь Севастополя, ранее бывшего греческим Херсонесом, а теперь переименованного императором Павлом I-м в Ахтиар, находилось множество бухт с удобными склонами, и можно было к тому же посмотреть на строй военных кораблей для разнообразия впечатлений.

С другой же стороны полуострова, на западе привлекали окрестности деревушки Ялты, и в частности знаменитая гора Аю-Даг, или же Медведь-гора, покрытая дубовыми и сосновыми лесами. Впрочем местные татары ее еще называли «Большой крепостью», но уже тогда считалось что для русского солдата все проходимо и нет таких крепостей которые не могли бы взять наши люди ежели этого требуют интересы отечества.

– Нам еще надобно составить подробный реестр всех соревнований, обдумать церемонию их торжественного открытия, построить для атлетов какое-либо удобное для жилья поселение, вроде деревни и раздобыть олимпийский огонь! – заявила Лесистратова безапелляционно.

– Откуда ж мы возьмем такой огонь? Я огнем чиркну – не хуже греческого будет! – молвил Платов уверенно.

– Нет уж, Матвей Иванович, здесь жульничать негоже, надобен настоящий, – Лиза задумалась. – Тут недалеко в Греции на горе Олимп этого огня полным-полно...

Все тоже призадумались, проблема показалась весьма важной и неординарной. В то время всевозможные символы были еще в ходу и начинать игры без божественного огня то есть как бы знамения с небес, знака сверху, представлялось неприемлемым, раз уж так было положено древними греческими традициями.

Правда графу стало казаться что у этих греков было как-то уж слишком много традиций и нельзя следовать безапелляционно всем сразу, но Лесистратова объяснила ему что если не делать все как следует быть, то не стоило и начинать. Платов же говорил что во всем надобно следовать уставу, если уж не выходит по уму.

– А может Морозьявкина послать на Олимп? Спросить, огоньку мол не найдется? Вольдемар, хочешь стать Прометеем? – поинтересовался граф Г. у приятеля.

– А что? Там прямо во дворе этот огонек или нужно за забор сигать? А богов-караульных много? – Морозьявкин всерьез заинтересовался новым делом.

– Никуда сигать не придется. Воровать вообще нехорошо – могут поймать! Нет, надобно по-другому. Я тут обнаружила старинный ритуал. Там жрицы у храма Геры зажигают... – пояснила ему Лиза.

– Жрицы отжигают? А они симпатичные?

– Ах, вы опять об одном! Ну если вам угодно, то даже очень, все в белых хитонах, с открытыми руками. С помощью особого зеркала они собирают солнечные лучи. Все такие стройные, очаровательные, как ангелицы...

Морозьявкин некоторое время помечтал о жрицах, и предстоящее путешествие даже перестало его пугать. Граф хотел было присоединиться к мечтаниям, но Лиза как-то ловко подпихнула его острым локтем чтобы он не отвлекался, потому что предстояло много трудов и мечтать было пока что не время и не место.

Ритуал, упомянутый Лесистратовой, действительно был весьма своеобразен. В храме Геры подобающе одетая жрица используя параболическое зеркало, фокусирувавшее благодатные лучи Солнца, зажигала факел. Затем драгоценный огонь транспортировали в особом горшке, или же священной урне на античный стадион, и начиналась эстафета с огоньком.

Если же вдруг день открытия случался дождливым, то и тут имелся вариант – запалить от огня, зажженного запасливыми жрицами в погожий день еще до церемонии. Делалось все

это во имя подвига Прометея, который жестоко поплатился за похищение у богов огня, но зато вошел в Историю. Утверждали даже что именно ему, насмехаясь, боги говорили: «Ты еще молодой – у тебя вся печень впереди», намекая что орел-палач будет ее клевать и клевать.

Таким образом подвиги начинались еще до начала собственно спортивно-богатырской части, и перед тем как показать силушку и удаль молодецкую следовало проявить еще расторопность коммерческую, подобно быстроному богу Гермесу, покровителю послов и путников, который кроме торговли занимался еще и мелким плутовством и воровством.

– Ну словом, я уже собираюсь... Нам, огненосцам, собраться – только подпоясаться! – Морозявкин, будучи пироманом в душе, немедля вытащил откуда-то из-за пазухи кусок пакли и намотал его на длинную палку, выдернутую из ближайшего плетня.

Но Лесистратова и тут осталась недовольна. Чтобы удовлетворить придирчивую девицу Левше со товарищи пришлось срочно изготовить длинный факел с претензией на античность. Молоточками потюкали, сковали что-то такое, вроде древнегреческое, внутрь жидкость подобная маслу заливается и горит аж под водой. Удивительный прибор огненосцев был презентован со всевозможной помпой, и впечатлил несказанно.

– Как путеводная звезда, горит и сияет во тьме! – возвестила Лесистратова, подняв факел над головой подобно олицетворению Свободы и гордясь успехами мастеров как собственными.

– О мадемуазель, за вами я готов хоть на баррикады! – сострил граф Г. несколько отвлекшись от огня факела и замечая что лизины щечки горят еще ярче.

– Нам не нужно никаких баррикад, еще не хватало – революцию разводить. Надо осуществлять мирные начинания а не всякие гражданские войны... вот так, сударь, – Лиза всегда считала нужным пояснять государственную политику.

– Да с таким хитрым снарядом всю матушку-землю кругом обегут и назад воротятся! – решительно подвел итог Платов, а Левша с мастерами как-то скромно потупились, и только приняв рупь серебром немножко от своей робости отошли, правда уже в кабаке. Вообще мягкий зимний климат, сохранившийся отчасти и весной, способствовал частым возлияниям, что Лесистратова не одобряла, а Платов будучи и сам неводержан грозился прекратить но чувствовал что не может подать личный пример а плеток тут на всех не хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.